

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski

<https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>Еврейские темы Василия Гроссмана (*В городе Бердичеве*, 1934 г.)TEMATY ŻYDOWSKIE WASILIJA GROSSMANA (*W MIEŚCIE BERDYCZOWIE*, 1934 R.)

Streszczenie: Na materiale jednego (przedwojennego) opowiadania Wasilija Grossmana stopniowo wyłanianie i określane są parametry oraz hierarchicznie uporządkowane elementy składowe tego, co ze względu na swoją specyfikę należałoby interpretować jako typowe dla przedstawionego w utworze środowiska żydowskiego. Środowiska czasów wojny polsko-bolszewickiej, wojny domowej, w okresie jej eskalacji i trwania. Czas jest tu istotny, ponieważ schemat życia codziennego Żydów, typowy dla ówczesnej Ukrainy, istniał w opisywanym przez autora kształcie. Posiada on cechy szczególne, jak choćby specyfika rosyjsko-żydowskiej mowy, zachowanie i stosunek do liczego potomstwa, rodziny, ogniska domowego i inne. Przejawiają się owe cechy w typowych sytuacjach i miejscach — na ulicy, targu, w hałaśliwym, krzykliwym tłumie. Wraz z tokiem narracji opowiadania i wskazywaniem przykładów „żydowskiego” zachowania, wyłanianie i klasyfikowane są cechy, które należy uznać za nieprzypadkowe i rozpoznawczo-ikoniczne. Łączone są one w tematycznie zorientowane parametry i omawiane wspólnie z wyobrażeniem o stojącym za tym wszystkim modelującym systemie. Ów system przejawia się w jednostkach semantycznych podobnych do konceptualnych „wypowiedzi”, jako projekcji wiedzy na temat własnej istoty.

Słowa kluczowe: Wasilij Grossman, opowiadania, tematyka żydowska, typologia, parametry, model, konstrukcja, system modelujący

THE JEWISH THEMES BY VASILY GROSSMAN (*IN THE TOWN OF BERDICHEV*, 1934)

Summary: The prewar short story by Vasily Grossman is the starting point for emerging and determining the parameters as well as hierarchically well-ordered elements which due to their specificity should be interpreted as the typical ones for the Jewish community. This community existed in the time of the Polish-Bolshevik War and during the civil war and afterwards. The time (the era) is very essential in the story as the everyday life of the Jewish community in the Ukraine. The scheme of the literary work is very specific as it shows the nuances of the Jewish-Russian spoken language, the attitude of the community members towards the large offspring, family as well as the heart of home. The aforesaid story also describes the typical situations and places such as the street, the market-square, and a noisy street crowd. In the course of the story the examples of the Jewish behaviour are described as they are being emerged. These examples are not of accidental character and at the same time they present identificational/iconic features. These features are classified into the topical parameters and they also create the modelling system which is the key point. This system is presented in the semantic units which are similar to the conceptual “utterances”, which are the projections of the knowledge of their nature.

Keywords: Vasily Grossman, stories, Jewish theme, typology, parameters, model, construction, modeling system

В 1985 году в серии „Библиотека-Алия“ выходит в свет *Избранное в двух томах* Василия Гроссмана под характерным названием *На еврейские темы*. «В этой маленькой антологии», — по словам составителей, — «собраны произведения и отрывки из произведений Василия Гроссмана, в которых еврейская тема выступает на первый план или же является главной, определяющей»¹. Первое, что представлялось бы, если не важным, то небезразличным, в данной связи уточнить, исходя из того, что заявлено в заглавии нашей статьи, это установление, что значит тема, к тому же еврейская, которая «выступает на первый план» или «является главной, определяющей». Как это следует понимать, имея в виду три входящие в то, что сказано, положения. Иными словами, что значит *тема*², ибо это все же не праздный для стоящей перед нами задачи вопрос, что ее определяет как тему *еврейскую* и, наконец, последнее, что видеть за характеристикой ее как такой, которая *выступает на первый план или является главной, определяющей*.

Начиная с последнего, следует оговорить, что сказанное такими словами, скорее, оправдывающий помещение какого-то текста прием, чем действительное положение дела. Далеко не во всех имеющих место случаях то, что в том или ином приводимом рассказе или главе из романа (*Жизнь и судьба*, 1950–1959 гг.) и повести (*Все течет*, 1963 г.), имеет вид, в отношении характеризуемой темы, который предполагает проступание на первый план или становление главным и определяющим. Не о том, как о первом и главном, говорится у Гроссмана³, а то,

¹ В. Гроссман, *На еврейские темы. Избранное в двух томах*; Ш. Маркиш, *Пример Василия Гроссмана, Библиотека-Алия*, printed in Israel 1985, с. 6.

² Исходя из стоящей задачи, видится необходимым выделить три существенных способа понимания и представления темы — в литературоведении и в языкознании, с точки зрения актуального членения предложения и с точки зрения идеографии. Нет возможности даже бегло анализировать столь важный и неоднозначный вопрос, укажем только на то, что в первом случае тема определяется как художественная действительность в отношении того, что означает и выражает сюжет. Во втором — как исходное при членении предложения в контексте, то, о чем сообщается (*тема*), свиделением далее *ремы* — того, что говорится по поводу темы. В третьем, определяемом также как семантическое отображение, речь идет о широком понятии, заключающем в себе проявляемые далее в лексике составляющие, типа ‘погода’, ‘покупки’, ‘растения’, ‘животный мир’, с разделениями и подразделениями в виде дальнейших подгрупп и ветвей. Литература по данным вопросам невероятно обширна. В нашей работе, что будет показано далее, тема определяется с точки зрения такого отображающего изображения, которое предполагает проекцию сообщения. Иными словами, это был бы коммуникативный аспект, но не актуального членения предложения, а, скорее, информативного и сообщающего, в широком аспекте, и в отвлечении, в конечном итоге, от выражающей тему литературно-словесной канвы.

³ Литературу о Гроссмани можно увидеть в трех основных направлениях — биографическом, философском, литературоведческом. Поскольку нашу работу нельзя отнести ни к одному из них, не вдаваясь в определения, только укажем на некоторые из таких публикаций. Наиболее представи-

что еврейское, и опять-таки тема ли, только в ряде случаев можно считать таковым. Иными словами, и это будет существенно, тексты его, в общем и целом, о чем-то другом, и еврейское в них, присутствуя не случайно и важно, выполняют не ту задачу, которую стоит подобным образом определять.

тельный ряд составляет литература первого направления — воспоминания, мемуары, факты из жизни, о Гроссмане как человеке, нередко при этом включая, если не характеристику, то описание творчества, с учетом контекстов социальных, идеологических, политических, исторических: Б.С. Ямпольский, *Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)*, «Континент» 1976, № 8, с. 133–255; Б. Закс, *Немного о Гроссмане*, «Континент» 2012, № 2 (152), Избранное «Континента», т. 2, 1978–1982, с. 454–461; В.Н. Войнович, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа*, «Посев» 1984, № 11, с. 53–55; Е.В. Короткова-Гроссман, *Жизнь и судьба книг Василия Гроссмана // В.С. Гроссман, Жизнь и судьба*, Книжная палата, Москва 1988, с. 5–13; С.И. Липкин, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*, «Литературное обозрение» 1988, № 6, с. 96–108; Там же, № 7, с. 98–109; Л.А. Аннинский, *Мирозданье Василия Гроссмана*, «Дружба народов» 1988, № 10, с. 253–263, а также в: В.С. Гроссман, *Жизнь и судьба*, Эксмо, Москва 2011, с. 7–26; М. Липовецкий, *Единоборство*, «Урал» 1989, № 3, с. 161–171 (концепция свободы у В. Гроссмана); А. Бочаров, *Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба*, Советский писатель, Москва 1990; С.И. Липкин, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*, А.С. Берзер, *Прощание* [о Василии Гроссмане], Книга, Москва 1990; А. Афиногенов, *Правое дело Василия Гроссмана*, «Вопросы литературы» 1994, № 3, с. 220–233; Г. Пшебинда, *Василий Гроссман — Сократ из Бердичева*, «Новая Польша» 2011, № 5 (130), с. 35–41; Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман, *Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией*, «Вопросы литературы» 2013, № 4, с. 186–224; Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман, *Василий Гроссман в зеркале литературных интриг*, Форум, Неолит, Москва 2015; Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман, *Василий Гроссман: литературная биография в историко-политическом контексте*, Форум, Неолит, Москва 2016; Ю. Дружников, *Уроки Василия Гроссмана*, fibusta.club/b/14101/read [14.05.2022]; А. Кардаш (Аб Мише) Марран, *100 лет В. Гроссману*, <http://abmisha.com/stat/stat6.html> [14.05.2022]; Б. Сарнов, *Жестоковыйный*, «Лехаим» (апрель 2006, нисан 5766, 4/168), www.lechaim.ru/ARHIV/168/sarnov.htm [14.05.2022]. Ко второму направлению, не столь многочисленному, следовало бы отнести (философские идеи В. Гроссмана затрагиваются также в работах литературно-биографического характера): Б.А. Ланин, *Идеи «открытого общества» в творчестве Василия Гроссмана*, Магистр, Москва 1997; И.Т. Касавин, *Свидание с многообразием: Философские идеи в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»*, «Звезда» 1990, № 9, с. 166–174; И.Т. Касавин, *Штрихи к образу. Индивидуальная культурная лаборатория Василия Гроссмана*, «Вопросы философии» 2000, № 7, с. 13–36; Ш. Маркиш, *Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или об универсальности рабства и свободы в двадцатом веке*, «Иерусалимский журнал» 2004, № 18, с. 244–51; Б. Ланин, *Философские идеи Василия Гроссмана*, «Acta Slavica Iaponica», т. 36, 2015, с. 25–38; Б.А. Ланин, *Ценности жизни — неотвратимость судьбы: смыслы фильма «Жизнь и судьба»*, «Ценности и смыслы» 2016, № 1 (41), с. 128–142. И, наконец, последнее, собственно литературоведческое, направление, также не многочисленное, можно представить такими работами: Г. Бёльл, *Способность скорбеть: о романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»*, перев. с нем., «Новое время» 1988, № 24, с. 36–39; F. Ellis, *Soviet Russia through the Lens of Classical Antiquity: An Analysis of Greko-Roman Allusions and Thought in the Oeuvre of Vasiliï Grossman*, in: P.I. Barta, D.H.J. Lamour, P.A. Miller, (eds.), *Russian Literature and the Classics*, Harwood Academic Publishers GmbH, Amsterdam 1996, 1-st ed., eBook Published 7 January 2014, с. 26; Ю. Царуски, *Жизнь и судьба Василия Гроссмана: к возникновению и концепции романа века*, «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание» 2011, № 1, с. 191–215; Д. Клинг, *Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики*, Дом Марины Цветаевой, Москва 2012; С.Н. Абдуллаева, *Время в романе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»*, «Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки» 2012, № 2, с. 70–74; В.В. Дёгтева, *Творчество Василия Гроссмана: Современные подходы и концепции*, «Мир науки, культуры, образования» 2012, № 4 (35), с. 62–64; С.Н. Абдуллаева, *Концепция свободы в романе-эпопее В. Гроссмана «Жизнь и судьба»*, «Известия Дагестанского государственного педагогического университета» 2016, с. 2. Гуманитарные науки, т. 31, вып. 4, с. 92–94.

К высказанному положению еще вернемся, а, от него оттолкнувшись, коснемся вопроса о том, что означает (применительно к теме) *еврейская*. Не вдаваясь в подробности в данном месте, пусть и немаловажные, поскольку в данной статье, хотя и об этом речь, но не сначала, а вследствие и в итоге, стоит, только наметив, сказать, что *еврейское* у Василия Гроссмана⁴ появляется там, где показываются, изображаются, фигурируют либо только упоминаются люди, представляемые им как еврей⁵, по именам и по тому, что им каким-либо образом свойственно (так получается из того, что отобрано в антологии). И при этом на фоне и в параллельном, либо совместном, либо, что также возможно, отделяющем изображении рядом других. Не всегда в какой-то очевидной еврейской специфике. Мало чем-либо не так уж существенно отличаясь от этих других и находясь с ними в общем, совместном, объединяющем с ними, житейском котле.

В связи с упомянутым, и опять же не углубляясь в подробности уточнения, то, что касается представления о теме (вы-

⁴ Шимон Маркиш по данному поводу замечает следующее: «Но, хотя сформировала, вылепила его, этого нового писателя, еврейская судьба, он остается русским писателем — русским писателем еврейской судьбы. Он не становится еврейским писателем (или, точнее, русско-еврейским, писателем русского еврейства) по двум главным причинам. Принадлежность к русско-еврейской литературе, которая существует уже более ста двадцати лет, требует от писателя, чтобы он был голосом русского еврейства, его самосознанием и самопознанием — пусть даже голосом не слишком звучным, пусть даже голосом не всего русского еврейства, а какой-то малой, скромной его части. Гроссман, однако, создал российскую, или, если угодно, советскую (если под «советским» понимать не режим, а исторический период в жизни Российского государства) эпопею, и еврейские страницы в ней — лишь детали монументальной картины». (Ш. Маркиш, *Василий Гроссман — еврейский писатель?* „Иерусалимский журнал“ 2004, с. 243). И по тому же поводу: «хотя [интересно это встречающееся не случайно *хотя*] он и прошел мимо важнейших моментов еврейской жизни, её изображение шире, чем у других писателей XX века, обращавшихся к еврейской теме, его персонажи разнообразнее, равно как и ситуации, в которых они действуют. Их портреты, с одной стороны, даны без идеализации, а с другой — без гротеска. Правдивое сдержанное искреннее повествование проникнуто глубоким сердечным состраданием, к горестной судьбе народа, от которого он себя не отделял». (Н. Елина, *Василий Гроссман и еврейство*, <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Elina1.htm> [14.04.2022]). О еврейском у Гроссмана см. также: Р. Гензелева, *Пути еврейского самосознания (Василий Гроссман, Израиль Меттер, Борис Ямпольский)*, Руфь Зернова, *Мосты культуры*, Москва—Иерусалим 1999).

⁵ Уместным видится в данном случае следующее замечание: «Начиная с самого первого рассказа *В городе Бердичеве* (1934), художник вводит в повествование героев-евреев. Писатель не отдает им главное место в системе персонажей, но наделяет константными чертами, которые складываются в единый образ еврея, имеющий свою эволюцию. Здесь можно упомянуть образы Хаима Тутера из рассказа *В городе Бердичеве*, который становится носителем вечных ценностей — семья, очаг, любви к детям, вере. В других ранних произведениях есть детали, указывающие на еврейство ключевых (хоть и не главных) положительных персонажей — комиссар Верхотурский из рассказа *Четыре дня* (1935), революционер Абрам Бахмутский из романа *Степан Кольчугин* (1937–1940). Некоторые наблюдения на этот счет есть в работе А. Бочарова *Жизнь. Творчество. Судьба* (1990), однако проблема до сих пор не получила всестороннего осмысления». (В.В. Дёгтева, *Творчество Василия Гроссмана...*, с. 63.)

воды можно будет сделать в конце), ложится в подобный ряд. Появление в тексте того, что еврейское, в связи с изображающим отношением к человеку, носителю соответствующего имени и обладателю характеризующих свойств, дает основание, составителям антологии в первую очередь и в том числе, говорить о подобном, как о теме, которую Гроссман затрагивает, однако (что было бы все же преувеличением) не поднимает. Нет оснований, при всем этом, видеть еврейское проявление в его текстах как колорит, вкрапления, инкрустацию. Действует здесь, скорее, другое. То, что можно представить в виде стремления оттенить, показать в параллель, в дополнение и в отношение. Вместе с этим также, что было бы главным, передать и отобразить, для необходимой изобразительской объективности и полноты картины, а также, как важное следствие, для того, чтобы высказать обобщающую и философскую мысль, заключающую в себе писательское отношение к действительности и к жизни в отражаемых ее проявлениях. Говоря по-другому, — коль скоро имеются в том, что изображается, в передаваемом фрагменте живой реальности, наряду с другими, люди еврейской национальности, то их, наряду, опять же, с другими, необходимо и следует объективно-реалистически показать. Оговорки требует, вместе с тем, то, что у Гроссмана возникает и вырастает не сразу, где действительно еврейская тема (в упомянутых перед этим романе и повести, выбранных главах) выступает на первый план. Однако все это надо аналитически основательно, с тем чтобы быть убедительным, доказывать и объяснять.

Обратимся после такого ориентирующего вступления к одному только из трех его довоенных рассказов, помещенных в антологии первыми, — *В городе Бердичеве* (1934 г.). Два других — *Четыре дня* и *Цейлонский графит* (оба 1935 г.), а также все остальное — *Старый учитель* (1943 г.), *Треблинский ад* (1944/1958 гг.), главы из романа *Жизнь и судьба* из первого тома представленной антологии, главы из повести *Все течет* и отрывок из очерка *Украина без евреев* (1943 г.) из второго тома, — в силу небольшого объема статьи приходится опустить.

Три его довоенных рассказа касаются разбираемой еврейской темы по-разному. Если описываемое в *В городе Бердичеве* представлено так, что в еврейский дом и семью привносится, входит, то, что другое и не еврейское (комиссар Вавилова, которой в этом доме придется рожать), то в рассказе *Четыре дня*, как и в *В городе Бердичеве* с темой гражданской войны, нет

ни еврейской семьи, ни еврейского дома, но есть персонаж Факторович, и то, что еврейское, обращается, отображаясь, вокруг него. В сочетании и в параллель к другим, таким же красным участникам большевистско-польской войны, персонажам. *Цейлонский графит*, наименее выразительный в отношении того, о чем речь, не на военную, а на мирную тему, рабочую, производственную, также предполагает изображение персонажа, с самоотдачей и посвященностью, в сопровождении связанных с этим его особенных деловых умений и качеств, не типично и не характерно еврейских, что сразу же следует оговорить, хотя, вместе с тем, и не совсем без этого. В связи с чем возникает поставленный в самом начале вопрос — в чем следует и стоит усматривать в изображении Гроссмана то, что еврейское, что составляет его специфику и характеризующие по соответствующим основаниям свойства? Попробуем вывести это в последовательности и по порядку.

В городе Бердичеве то, что еврейское, имеет не инкрустирующий, как было отмечено, не для колорита и экзотизации помещенный, а тем самым, не живописующий и оживляющий изображение характер. Характер этот, а тем самым и метод, возможным видится определить как распознаваемо-наводящую в своей направленности типичность (в отношении того, что еврейское) изображения, отмечаемую, не попутно и значимым образом, знаковую, предполагающую, содержащую, заключающую в себе не случайный контраст поведения, речи, высказываний, проявлений и скрытого за всем этим отношения к действительности, к происходящему, к жизни в ее течении, проступающих видах и образах. Контраст еврейского к тому, что находится, появляется рядом, действует и ведет себя как другое, хотя бы и не всегда ему противопоставляясь, но оттеняясь скорее. В своем результате все это было бы тем, что указывало бы, внутренне предполагая, на имевшийся некогда и продолжающий себя отражать (в годы гражданской войны) еврейский житейский уклад, в его обычаях, положениях, представлениях, предпочтениях и привычках.

Первая встреча с еврейским в этом первом рассказе открывается представлением имени: «Домик стоял на Ятках, так назывался в городе базар, и принадлежал Хаиму-Абраму Лейбовичу Магазанику, которого соседи и даже собственная жена звали Хаим Тутер, что значит татарин»⁶ (с. 8). И имя, и прозвище,

⁶ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: В. Гроссман, *На еврейские темы...*, с указанием в скобках страниц.

что у Гроссмана далеко не всегда, становятся определяющим знаком. И тут же следом: «Вавилова въехала со скандалом. Ее привел на квартиру сотрудник коммуналдела, худой мальчик в кожаной куртке и буденовке. Магазирик ругал его по-еврейски, коммуналделец молчал и пожимал плечами» (там же). Из того, что ругал по-еврейски, можно бы, хотя и не так, чтобы однозначно, предполагать, что приведший Вавилону коммуналделец также еврей. Хотя это прямо не следует, поскольку тот только «молчал и пожимал плечами», то ли зная и понимая, то ли не понимая, что именно Хаим ему говорит. К тому же непосредственно вслед за этим сообщается, что «Потом Магазирик перешел на русский язык» (там же).

Значимы далее и тут же следом фрагменты, в которых возмущающийся хозяин дома определяет свое положение по сравнению с другими евреями: «...надо только придумать! Уже нет больше буржуев в городе. Только одна комната осталась для советской власти у посадчика Магазирика. Только у рабочего, у которого семь человек детей, советская власть должна забрать комнату. А у Литвака бакалейщика? У суконщика Ходорова? У первого миллионщика Ашкенази?» (с. 8–9). И после этого, в иллюстрацию сказанного: «Вокруг стояли дети Магазирика, семь оборванных кудрявых ангелов, и смотрели черными, как ночь, глазами на Вавилону» (с. 9).

Остановимся в этом месте с цитированием, с тем чтобы вывести из приведенных примеров то, о чем, собственно, речь. Интересовать при анализе нас будут параметры выводимых значений, которые можно воспринимать как повороты еврейской у Гроссмана темы и на основе которых предпринята будет попытка определить, во-первых, что значит в его текстах *еврейское* и как понимать понятие *темы* в этой связи, во-вторых.

Первое, что можно заметить (помимо упомянутых ранее имени и рядом с ним прозвища), это уверенную в себе, оценивающую окружение и его отношение к себе, позицию, в которой Я выступает в таких параметрах, как 'активность', 'самостоятельность', 'самодостаточность', и из которых следует восприятие Я как целого, а отсюда 'цельность' и 'целостность'. Определим этот показатель в его таком составе как интегративность (*Integrum*), имея в виду, что он составляет основу, хотя не единственную, представления того, что еврейское, в данном рассказе. Если же определять это как основу, то все остальное будет следовать из него.

Из процитированных примеров выводятся, в результате, такие параметры (перечислим их, с тем чтобы пополнить, расширив, в последующем):

— имя, прозвище, *Nomen* (о чем уже ранее говорилось): Хаим Тутер (татарин);

— речь, высказывания, речевое проявление, речевые особенности, говорение, *Dictum: pugil po-еврейски*.

Брань по-еврейски, с одной стороны, исходит как бы так изнутри, от себя, из еврейской души, как близкое и свое, обнаруживая в ней вместе с тем стремление и склонность к эмоциональным выплескам, а с другой, предполагает направленно-обращенный характер — на близкого или знающего, если не своего, замыкаясь в круге, в который другое, не знающее и не еврейское, не свое, не входит и к близкому своему не относится. Возможно еще одно не исключаемое объяснение. Брань по-еврейски, по внешнему виду направленно исходящая от себя на подвергаемый этой брани объект (человека), по существу, представляя указанный эмоциональный выплеск, обращается внутренне в себе самом и для себя самого, особенно в случае, при котором присутствующее при этом лицо (Вавилова и, может, коммуналделец) еврейской речи может не знать. И тогда эта самая так понимаемая брань могла бы определяться в параметрах 'эмоционально и релятивно замкнутой самодостаточности', расширяя указанную перед этим интегративность как целостность в отношении 'выхода, ограничиваемого тем, что свое' (лимитативная проективность, *LimitProject* в *Integrum*).

Коль скоро речь о параметрах дифференцируемого в еврейском типологическом отношении смысла, стоит посмотреть таким же образом на то, что связано с именем. Выделить в этом можно было бы два положения. Типично еврейские имя-фамилию (Хаим-Абрам, Лейбович, Магазаник) как: а) следствие не разрушенного в отображаемый период уклада, б) с распознаваемой своими и для своих, а с этим также другими и для других, принадлежностью (проприативная репрезентативность, *ProprRepresent*), и с) также распознаваемая как проприативная репрезентативность, но сопровождаемая при этом дополнительно знаковой, определяющей, сигнификативной, *Sign(ProprRepresent)*, направленностью, с точки зрения изображения. Сигнификативность репрезентативности в данном случае исходит от автора как художественный и не случайный, поскольку основанный на реалистическом отображении действительности, прием.

Вторым положением было бы то, что можно видеть как склонность давать своим прозвища, в разбираемом случае Тутер при Хаим, «что значит татарин». Почему татарин, не общается, но это и не так важно. Важно, во-первых, то, что, как татарин, он от других своих тех же евреев чем-нибудь отличается, а если и не отличается, то его таким образом отличают (выделительно-дифференцирующая функция прозвища). А во-вторых, стоит за этим фамильярно уподобляющая и вместе с тем нивелирующая позиция освоения. Тот и то, что имеет ему придаваемое прозвище, получаемое не от родителей и не при рождении, ощущается, действуя в обращении и при говорении о нем как носителя, по-иному, с замещением исходных индивидуализирующих свойств (проявляемых в имени) и приписыванием, сообщением ему от меня-говорящего, на такие и те, которые я-говорящий ему от себя всякий раз придаю. Это и будет тем, что было названо фамильярно расподобляющим (нивелирующим) и уподобляющим к придаваемым признакам освоением (идентифицирующая, перекодирующая в основе своей, привативность, *PrivatIdent*).

Стоящее за высказыванием «...надо только придумать! Уже нет больше буржуев в городе» и т.д., с перечислением этих самых 'буржуев', объясняется известной позицией, не сугубо еврейской, хотя не об этом в данном случае речь, определяемой словами *Что я, хуже других? И чем я, собственно, хуже других? Почему на меня* (в данном случае забирающая комнату советская власть) *смотрят как на левого крайнего и мною так беспардонно пользуются?* Или я слаб и не противодействую, или во мне, это самая власть, видит того, кто мягок и снисходителен, кто способен к сочувствию и пониманию, а тем самым, не хочет она себя дополнительным неприятностям и усложнениям, обращаясь с тем же к другим, подвергать?

Видеть данный параметр можно (при отсутствующем материальном достатке и наличии семи человек детей) как 'пораженно-приниженное и, тем самым, используемое в своем постоянстве на фоне других положение', в сопровождении усугубляющего его дополнительно, хотя и скрытого, но ощущаемого и другими также используемого, 'сочувствующего отношения к ближним'. Обозначить этот параметр можно как детриментную эксклюзивность, *DetrimExclus*, (пораженная исключительность и вместе с тем исключаемость), с возможным расширением к опертивной (скрытой) эмпатии, коммизеративности, *OpertCommiser*. В таком своем виде

данный параметр можно усматривать как такой, который свойствен еврейскому положению:

положение, *Positio*: такой, у которого можно все отобразить, вплоть до того, что последнее, — каритивная⁷, лишительная в основе своей, страдательность, импозитная (предполагающая подверженность) инфинитная (постоянная, неизменная) мизеративность, *Imposit (Infinit Miser)*.

Из того, что Магазаник коммуноотдельца *ругал*, в данном случае не суть важно, что по-еврейски, а также и из последующего, сказанного по-русски, по адресу не соблюдающей мотивирующего порядка (обращаться к тем, кто имеет, в первую очередь, а не к тем, кто нуждается и достатка лишен), а потому и его особенно дискриминирующей, власти (положение, *Positio*), можно вывести еще один характеризующий параметр в его проявлениях:

особенности поведения, *Mores*:

— несдержанность, экзертивность, *Exert*;

— склонность к резким и обобщающим определениям, генерализирующая акутативная дефинитивность, *General(AcutDefinit)*;

— демонстративное неприятие несправедливости в отношении себя, *Demonstr(Desaccept(Auto)Injust)*.

Последний параметр, как нетрудно заметить, соотносится по семантике с тем, что ранее было выведено как каритивное положение (*Positio*) в мизеративном значении, представляя типично себя проявляющую поведенческую реакцию на него.

Важным характеризующим признаком, связываемым с мизеративностью и, конечно, инъюстивной дезакцептивностью (неприятие несправедливости), становятся дети. С одной стороны, их много (*семь человек детей*), с другой, и отчасти как следствие, они определяются как *оборванные* и, наконец, представляются как *кудрявые ангелы с черными, как ночь, глазами*. В проявляемых параметрах это можно представить следующим образом:

⁷ Понятие, введенное Вяч.Вс. Ивановым и представляемое им, а затем и другими авторами, как грамматическая (в ряде языков) и семантическая категория: Вяч.Вс. Иванов, *Категория лишительности в языках евразийского языкового союза* // Т.Н. Молошная (ред.), *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*, Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва 1993, с. 80–81; Его же, *Типология лишительности (каритивности)* // Вяч.Вс. Иванов, Т.Н. Молошная (ред.), *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*, Индрик, Москва 1995, с. 5–59; С.М. Толстая, *Семантическая модель каритивности* // Ее же, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Индрик, Москва 2008, с. 50–98 и ряд др.

дети, потомство, *Proles*:

— число, количество, мультипликативный квантитатив (семь человек), *MultQuant*;

— оборванность, бедность, себя проявляющие в одежде, как отражаемый в детях, наглядно себя объявляющий, индикативный (выражаемый, обнаруживаемый) мизератив, *IndicatMiser*;

— не различаемая в общем составе, характеризующая, конъюнктивная (объединяющая) дистинктивность, *ConjunctDistinct*: то, как выглядят дети в своей совокупности (*кудрявые ангелы, черные, как ночь, глаза*), становится средством распознающего, отличающего их от других, определения.

Первый признак, мультипликативный квантитатив, с точки зрения изобразительной функции в тексте можно представить как типизирующий. Означает это, что нечто изображаемое используется автором для того, чтобы выделить, показав, с одной стороны, то, что типически свойственно данной среде, а с другой, то, что эту среду от других отличает. Функция этим не ограничивается, поскольку, как было отмечено, большое число детей одновременно с этим становится, связываясь, мотивацией и проекцией ранее выведенного, для положения (*Positio*), мизератива. То и другое, впрочем, будет касаться также второго в том же параметре (*Proles*) признака. В свою очередь, третий признак, будучи типизирующим и воздействуя на восприятие, дистинктивен, но мизератива лишен, а если точнее, то он его, через означенное воздействие и с ним сочетаясь, усиливает, выступая средством перцептивной интенсификации. Еврейские дети (так это можно воспринимать), которых много, которые не различимы в общем своем составе, которые вместе, один при другом, и все при этом оборванные, кудрявые и по-детски невинные, смотрят своими черными, как ночь, глазами на появившееся в их доме чужое лицо. И это будет картина «еврейского» их проявления, — по сравнению с другими, которые не оборванные, и их не так много, и вместе, рядом, один при другом, не стоят, и не кудрявые, и, возможно, не ангелы, и не с глазами черными, как ночь.

Функция подобного представления, при отсутствующем, но относящемся к знаниям, отражении других каких-то и не еврейских детей, заключается в том, чтобы скрыто, но ощущаемым образом, оттенить, сделать видимым, наблюдаемым, очевидным, касающееся еврейских детей, которые, с одной стороны, фигурируют в тексте как дети, но от других детей отличающиеся, а с другой, они же становятся распоз-

наваемым и характеризующим знаком изображаемой еврейской среды.

Далее переходим по ходу рассказа к тому, что в доме, с чем постороннему, в лице Вавиловой, наблюдателю приходится сталкиваться и что для нее непривычно. Приведем для наглядности весь соответствующий фрагмент:

[...] Вавилова прошла в комнату. От буфета, *плоских перин, стульев с разверстыми отверстиями продавленных сидений* на нее так густо дохнуло жильем, что она поглубже набрала воздуха в грудь, точно ныряя в воду. Ночью она не могла уснуть. За стеной, *точно оркестр из многих инструментов, от гудящего контрабаса до тонких флейт и скрипок, хралела семья Магазаника. Духота летней ночи, густые запахи* — все это, казалось, *душило ее. Чем только не пахло* в комнате! Керосином, чесноком, потом, гусиным смальцем, невымытым бельем. Это было жилье человека (с. 9).

Важно то, что действует характеризующим образом (в приведенной цитате выделено курсивом), определяя, тем самым, еще один параметр в его составляющих признаках:

жилье, *Domus*:

его внутренность, *Interior*:

— изжитость, продавленность (узитаривная дефективность, *UsitDefect*);

— запахи, их душная густота и различимая смешанность (одоративная композитная концентрированность, *Odor(CopositConcentr)*);

семья как целостность и составная часть дома, жилья (партитивная интегративность, *Part(Integr)*, по отношению к дому, жилью):

— ее слитная слаженность, сыгранность и различимая в составе своем совокупность (композитная конгрегативность, *CompositCongr*, по отношению друг к другу и себе как объединяющей целости).

Следующий, характеризующий в разбираемом отношении, фрагмент включает дальнейшие распространения выведенных перед этим параметров (определяющее дается курсивом):

Утром, когда Магазаник собирался на работу и жена кормила его завтраком, отгоняя мух, *детей, кошку*, он, скосив в сторону реквизирированной стенки глаза [за которой Вавилова], тихо сказал: — *Дай ей чаю, чтобы ее холера задушила*. Он купался в солнечных столбах *пыли, запахах, детском крике, кошачьем мяуканье, ворчании самовара*. Ему не хотелось идти в мастерскую, он *любил свою жену, детей, старуху мать, он любил свой дом* (с. 10).

жилье, *Domus*:

его внутренность, *Interior*:

– перемежающаяся совокупная смешанность, композитно-конгрегативная интермиксивность, *Composit Congr (Intermix)*, (*мухи, дети, кошка; пыль, запахи, детский крик, кошачье мяуканье, ворчание самовара*);

семья как составная часть дома (партитивная интегративность):

— совместно направленная аффилиативность, на всех и на каждого (*он любил свою жену, детей, старуху мать, он любил свой дом*), конъюктивно-дистрибутивная, *ConjunctDistribut(Affil)*.

речь, высказывания, речевое проявление, речевые особенности, говорение, *Dictum*:

— склонность к недоброжелательно заряженным высказываниям, демонстративная, адресативно-безадресативная, на всех и ни на кого (универсализирующая), раздражительность (ирритативность), *Universlrrit: чтоб ее холера задушила*.

В этом последнем случае, с пожеланием *холеры* Вавиловой, при контрасте с тем, чтобы дать ей чаю, следует видеть, как свойство, предрасположенность регулярно высказываемого раздражения (ирритации), которое одновременно адресно и безадресно, по внешнему виду имеет объект (холеру желает Вавиловой), по внутренней направленности обращено на тех, кто ее прислал, а по переживаемому своему существу — на весь свет, на жизнь, на свое в этой жизни постоянно ущербное, лишительное, мизеративное, положение.

Продвигаясь далее по ходу рассказа, переходим к тому, что вне дома:

Весь день на Ятках кипел котел: мужики торговали белыми, точно вымазанными мелом березовыми дровами, бабы шуршали венками лука, *старухи еврейки* сидели над пухлыми холмами связанных за лапки гусей. Покупательницы дули на нежный пух меж лап и щупали жир, желтевший под теплой мягкой кожей птиц. Слепой нищий, с белой бородой волшебника, молитвенно и трагично плакал, протягивая руки, но его страшное горе никого не трогало — все равнодушно проходили мимо. Баба, оторвав от венка самую маленькую луковку, бросила ее в жестяную мисочку старика. Тот ощупал луковку и, перестав молиться, сердито сказал: 'Щоб тоби диты так на старость давалы', — и снова протяжно *запел древною, как еврейский народ, молитву*. Народ продавал, покупал, щупал, пробовал, поднимая глубокомысленно глаза вверх, точно ожидая, что с голубого нежного неба кто-нибудь *посоветует, покупать ли щуку или лучше взять*

карпа. И при этом все пронзительно кричали, божились, ругали друг друга, смеялись (с. 10–11).

Хотя представленная картина, скорее всего, относится к базару, на котором, если не большинство, то немалую часть составляет еврейское население, не будем, вместе с тем, обобщать, приписывая при анализе то, что не обязательно будет еврейскому миру свойственным. Обратимся поэтому только к выделенным курсивом местам. Видится это в принятой нами категориальной проекции следующим образом:

вне дома — базар, улица, *Foras*:

– распознаваемо отмеченная, изо дня в день повторяемая, сложенная, неизменная, потому что древняя (как еврейский народ), итеративно-узигативная сигнификативность, (*IterUsit*)*Sign*, — старухи, гуси; слепой нищий (привычность, никого не трогает его горе), который *снова протяжно запел древнюю, как еврейский народ, молитву*;

– также привычная и повторяемая суматошность, в которой каждый шумит, кричит, божится, бранится и один другого не слушает, — расчлененное в составе своих представителей множество совокупного шумного беспорядка, итеративно-солитивная тумультативность, (*IterSolit*)*Tumult*.

Значимым, но при этом отдельно, видится признак, который проявлен, также в привычности, но с другой стороны, обусловленной обращением к небу по бытовым пустякам (*покупать ли щуку или лучше взять карпа* в примере), мотивируемой близостью к Всемогущему и своей богоизбранностью. Имело бы отношение это к параметру поведения:

особенности поведения, *Mores*:

– постоянная и во всем, в том числе житейская и бытовая, обращенность к Высшему, константная альтиссим-деверсность, *Const(AltissimDevers)*.

Далее вновь появляются дети. Шуму улицы вторят их крики: «Голова у нее [у Вавиловой] бухла от уличного шума, а в квартире кричали маленькие Тутеры, и ей казалось, что она спит и видит нехороший сон» (с. 11). Подчеркивается непривычность стороннего человека к постоянному шуму как на улице, так и в доме.

Тема детей получает свое развитие в речи Бейлы, матери их семерых и супруги Хаима Тутера:

— Дети, — говорила она, — дети, разве вы не знаете, что это за несчастье, — и она тискала и топила на своей груди самого маленького Тутера. — Это такое горе, это такое несчастье, это такие хлопоты. Каждый

день они хотят кушать, и не проходит недели, чтобы у этого не было сыпи, а у того лихорадки или нарыва. А доктор Барабан, дай ему бог здоровья, за каждый визит берет десять фунтов пеклеванной муки. Она гладила голову маленькой Сони. — И все они живут у меня, ни один не сдохнет (с. 11–12).

И здесь мы снова видим контраст между речью–высказыванием и проявлением отношения. С одной стороны, *такое горе, такое несчастье, такие хлопоты*, а с другой, *тискала и топила на своей груди самого маленького Тутера*. С одной стороны, *гладила голову маленькой Сони*, а с другой, в интересной к тому же конструкции, *все они живут у меня, ни один не сдохнет*.

Можно, конечно же, объяснять подобную резкость тем, что говорение по-русски в еврейской среде с ее идишем в прежнее время не было вполне адекватным в стилистическом отношении, ибо что значит *все они живут у меня*, как если бы были животными или постояльцами, с добавлением *ни один не сдохнет*? И это следует понимать в том смысле, что все семеро, ибо столько их родилось, живут и здравствуют и ни один до сих пор не умер, а их болезни, которые постоянны (поскольку их много), излечимы, хотя и предполагают расходы с обращением к доктору. И о нем такое же двойственное по своему характеру высказывание — *за каждый визит берет*, и при этом *дай ему бог здоровья*. Форма высказывания не согласуется с сопровождающим его отношением к объекту речи. Уточнение получают два, в точнее три, ранее выведенных параметра:

дети, потомство, *Proles*:

— поведение — нескончаемые крики, суматошность, беспокойства и шум, инфинитная тумульзативность, *InfiniTumult* (ср. тот же признак *Tumult* при *Foras* базара, но с другим показателем);

— выведенное ранее число, мультипликативный квантитатив (семь человек), становится средством демонстрируемой их живучести, выживаемости, неотъемлемой, постоянной, континуальной, персекутивности (продолжения), *Contin Persecut*;

— отношение к ним — дети несчастье и при этом любовь в постоянной заботе о них, обреченный, дестинативный, не отпускающий (с этим связано проявляемое в моторике *тискала и топила на своей груди*) а ф ф и л и а т и в, *DestinAffil*.

речь, высказывания, речевое проявление, речевые особенности, говорение, *Dictum*:

— двойственность отношения, релятивная амбивалентность, определяемая устойчивостью используемых в речи конструкций обращенного пожелания, дезидератива (*дай ему бог здоровья*), включаемых в противоречащий пожеланию контекст (*за каждый визит берет десять фунтов пеклеванной муки*), — контраст оценивающего привычный объект высказывания, экспозитивная оппозитивность, *ExposOpposit*;

– близкая к ранее выведенной склонности к недоброжелательно заряженным высказываниям (ирритативности — *чтоб ее холера задушила*), но только по форме, точнее привычке, автоматизму, себя проявляющая безысходность житейского положения (*И все они живут у меня, ни один не сдохнет*), что, с точки зрения речи, можно определить как склонность к позиционно утяжеляющим, резко эмоциональным, высказываниям, гравитативная эмотивность, *GravEmot*, с отнесением передаваемого смысла к параметру положения:

положение, *Positio*:

– связываемая, но с лишительной, каритивной, хотя импозитной и инфинитной, мизеративностью (все это в данный признак будет входить), неотвратимая, обреченная, вынужденность (*при все живут, ни один не сдохнет*, что можно видеть, в укрытом развитии, а *хорошо бы, если бы (сдох) и (как назло) ни один не сдохнет*) — дестинативная облигативность, *DestinOblig*.

С появлением в доме еще одного лица — акушерки, Розалии Самойловны, к роженице (Вавиловой), видим властный характер уверенной в своих действиях и выполняемых привычно обязанностях, типично еврейской по замыслу, агентивно заряженной деятельницы, безапелляционно распоряжающейся другими, поскольку знающей себе цену: «Она была *стриженная, коренастая, краснолицая*. И сразу *весь дом наполнился ее сварливым, пронзительным голосом*. Она *кричала на Бэйлу, на детей, на старуху бабушку*. *Все забегали вокруг нее*» (с. 14). И это были бы признаки, которые можно сводить к параметру поведения, имея в виду также и говорящий, поскольку определяющий черты характера, внешний вид:

особенности поведения *Mores*:

– переполняющая, выходящая наружу и заполняющая собой все, сварливость, пронзительность, резкость голоса, крик, — эксплетивно-акутативная сонитивность, *Explet(Acut Sonit)*, как выражаемое следствие из того, что за этим стоит:

– достоинство, знание себе цены и связываемая с этим демонстративная власть, потентность, дигнитатива, — *Demonstr Potent (Dign)*;

– обусловленная предыдущим признаком маскулинность, жесткость, заявляемая открыто неженственность не одной только внешности, с пренебрежением к мнению и оценивающему восприятию со стороны окружающих (*стриженная, коренная, краснолицая*), арбитражно- ассигнативная неглективность, (*ArbitrAssign*)*Neglect*.

Под действием *властного голоса* Розалии Самойловны, как это определяется в тексте (признак potentного дигнитатива), начинается означенная суета предродовых приготовлений, и Вавилова, комиссар, привыкший командовать, подчиняясь этому голосу, «отвечала на ее вопросы, поворачивалась, делала все, что она ей велела» (с. 14). Сила привычной уверенности в совершаемом со стороны акушерки оказывается значимее и весомее военных привычек рожавшей комиссарши.

Все дальнейшее, исходя из стоящей задачи определения того, что имеет свое отношение к еврейскому в тексте, можно, объединяя по признакам, сгруппировать, опираясь на соответствующие примеры.

Прежде всего, и в наибольшем числе, стоит отметить то, что касается проявлений параметра 'речь, говорение, *Dictum*'. Приведем их в последовательности, выделяя курсивом определяемое далее в признаках:

Розалия Самойловна негромко сказала Бэйле: — *Если вы думаете, что я бы себе пожелала рожать в первый раз в тридцать шесть лет, то вы ошибаетесь*, Бэйла (с. 15).

И кому это нужно, это мученье [Бэйла о родах] — ни ей, ни ребенку, ни отцу, чтоб он сдох, ни богу на небе. Какой умник это придумал на нашу голову? (с. 15).

— Ты бы посмотрел, — говорила Бэйла мужу, — эта кацапка с ума сошла. Три раза она уже бегала с ним к доктору. *В доме нельзя дверь открыть: то оно простудится, то его разбудят, то у него жар. Как хорошая еврейская мать, одним словом* (с. 17–18).

— *Что ты думаешь*, — отвечал Магазаник, — *если женщина одевает [должно быть надевает, но это русско-еврейская речь] кожаные штаны, она от этого становится мужчиной?* — И он пожимал плечами и закрывал глаза (с. 18).

— *О чем говорить*. Поляки завтра придут сюда. *Так я хочу вам сказать. Поляки, не поляки, а австрияки, галичане, но вы можете остаться у нас. Кушать вам, слава богу, привезли столько, что хватит на три месяца* (с. 19).

— Я не боюсь, — сказала Бэйла. — *Вы думаете, я боюсь? Дайте мне пять таких, я не испугаюсь. Но где вы видели мать, которая оставляет ребенка, когда ему полторы недели?* (с. 19).

— *Сказать вам правду*, — говорил Магазаник, — так это самое лучшее время для людей: одна власть ушла, другая не пришла. *Ни тебе реквизиций, ни тебе контрибуций, ни тебе погромов* (с. 20).

— *Это днем он такой умный*, — сказала Бэйла, — *когда ночью весь город кричит вальт от бандитов, он сидит, как смерть, и труситя от страха* (с. 20).

Речь, высказывания, речевое проявление, речевые особенности, говорение, *Dictum*:

— стереотипические конструкции опровержения, с приписыванием мыслей предполагаемому или реальному собеседнику, по поводу сложившегося, в том числе и обычного, неотвратимого, порядка вещей (монологический диалог в позиции предваряющего полемического неприятия слов собеседника, вербально-адверсативная дезакцептивность, (*Verb Advers*) *Desaccept*): *Если вы думаете..., то ошибаетесь*;

— те же конструкции с риторическим отрицанием: *И кому это нужно, это мученье; если женщина одевает кожаные штаны, она от этого становится мужчиной? О чем говорить; Я не боюсь, — Вы думаете, я боюсь?; где вы видели мать, которая оставляет ребенка, когда ему полторы недели?; А мы разве люди? Мы навоз*;

— с риторическим оценочно ироническим отрицанием по адресу предполагаемого недоброжелателя: *Какой умник это придумал на нашу голову?*;

— развертываемая градация: *Ни тебе реквизиций, ни тебе контрибуций, ни тебе погромов*;

— развертываемая градация, с резкой, в форме неприязненного пожелания, оценкой виновника (субъективное представление о вине дается как общее и объективное): *ни ей, ни ребенку, ни отцу, чтоб он сдох, ни богу на небе*;

— конструкции обобщающего стереотипного утверждения, обнаруживающего осведомленность и знание, генерализирующая консьциентность, *GeneralConscient*: *Как хорошая еврейская мать, одним словом; (Сказать вам правду) так это самое лучшее время для людей: одна власть ушла, другая не пришла*; — *Вот такие люди были когда-то в Бунде*;

— обращаемая к собеседнику настойчивость заявляемого (подкрепляемая знанием и осведомленностью): *Так я хочу вам сказать; Сказать вам правду*;

— внешне не связываемая противопоставленность двух положений по стереотипно себя проявляющей схеме 'то, не то, а другое и третье, но...': *Поляки, не поляки, а австрияки, галичане, но вы можете остаться у нас*, — за которой концептуально стоит 'что бы там ни было и ни происходило, вы неизменно можете рассчитывать на нас, на меня', вербально себя проявляющая твердость благожелательно ориентируемых намерений, иммутативная беневоленность, *ImmutBenevol*;

— склонность к обобщающим преувеличениям, генерализирующая амплификативность (расширительность),

GeneralAmpl: Кушать вам, слава богу, привезли столько, что хватит на три месяца; Дайте мне пять таких, я не испугаюсь; весь город кричит гвалт от бандитов; сидит, как смерть;

— противопоставленность отношения к объекту оценки, уступительно-иронизирующая мотивация, опровергаемая знанием действительного положения вещей, — ремиссивно-диссолютивная консьциентность, (*RemissDissolut*) *Conscient: Это днем он такой умный, — когда ночью весь город кричит гвалт от бандитов, он сидит, как смерть, и трусится от страха.*

Обнаруживают себя во всех этих случаях устойчивые обороты, типичные в своем построении, в том числе, если не в первую очередь, для русско-еврейской речи. Такие, как ранее встретившиеся: *Если вы думаете... , то ошибаетесь; И кому это нужно... ; ни одному, ни другому, ни третьему, ни Богу на небе; Какой умник это придумал (нечто, на нашу голову)?; Ты бы посмотрел (на что-то) / Ты бы видел(а); Этот (кто-то) / Эта (кто-то) сошел / сошла с ума; В доме нельзя (что-то сделать); То (у кого-то) одно, то другое, то третье; Как хорошая еврейская мать; нечто такое, что не обязательно предполагает свое обобщение при одним словом (не мотивированная смыслом вербальная стереотипизация); Что ты думаешь, если... ; Если... (некто делает нечто), то он(а) (разве) от этого становится кем-то другим?; О чем говорить; Так я хочу вам сказать... ; То, не то, а другое и третье, но вы можете... ; Что-то имеется, что-то сделано, слава богу, в таком количестве, столько, что хватит (на достаточно длительный срок); Я не боюсь, Вы думаете, я боюсь? (Я не то-то и то-то, Вы думаете, я то-то и то-то?); Дай(те) мне столько-то таких и таких, я не испугаюсь / не отступлюсь; Где Вы видели... ?; Сказать (вам) правду; Ни тебе то, ни тебе то, ни тебе то (по нарастанию); Это (тогда-то) он(а) такой умный (смелый, храбрый, отважный), а когда... , (то или так) сидит и... (трусится от страха, молчит, ни слова не скажет, носу не выставит и пр.). Рассмотрение подобных примеров могло бы составить самостоятельную и собственную задачу.*

Помимо примеров с речью стоит отметить еще два — в параметре *Foras* (вне, за пределами дома) и в новом, до этого не описанном, который можно представить в значении 'отношение к окружению', *Relatio*, для проявления 'к другому как к близнему и своему':

Сумерки сгустились, в окнах зажегся свет. Евреи возвращались из синагоги, держа под мышкой свертки молитвенных одежд» (с. 15).

Вне дома — улица, *Foras*:

– распознаваемо отмеченная, изо дня в день повторяемая неизменность происходящего, итеративно-узитаривная сигнификативность, (*IterUsit*)*Sign*.

«Магазаник, придя домой, сидел на ступеньках крыльца. Он волновался, точно рожала его Бэйла» (с. 15).

Отношение к окружению, *Relatio*:

направленность отношения, интенциональная директивность, *IntentDirect*:

– страдательность переживания за другого как за ближнего и своего, инсепаративная (не отделяемая, от своего) комизеративность, *InSeparatCommiser*.

На этом, в силу ограниченности объема, производимый анализ приходится оборвать и, подходя к получившимся выводам, представляется важным отметить следующее:

1. Выведенные на основании рассказа *В городе Бердичеве* основания и их признаки не совпадают в своем составе с теми, которые нашли свое отражение в последующих текстах из антологии *На еврейские темы*, 1935-го, 1943-го и последующих лет. Из чего можно сделать не до конца обобщающий вывод о дальнейшем развитии и расширяющемся взгляде писателя на данный предмет, включающем в свое поле зрения разные представления.

2. Понимая *тему* как некую понятийно-предметную область-объект, в отношении которой что-либо сообщается, из чего будет следовать ее коммуникативный характер (понятийно-предметный объект, включаемый в сферу коммуникативного взаимодействия), а таким был избранный нами в данной работе подход, — то, о чем в разбираемом рассказе речь, можно видеть в двух себя объявляющих отношениях. *Еврейское* — как заявленная в начале анализа интегративность, самостоятельность, самодостаточность, в свойственной ей специфичности, или *Integrum*, что также можно представить как Самость, пользуясь представлением Карла Юнга⁸. И одновременно с этим *еврейское* как оттеняемое, но не противопоставляемое в его проявлениях и признаках тому, что другое, сопоставляемое и параллельное с ним. Стоит вспомнить одну из значимых фраз завершения в этой связи: «Магазаник, гля-

⁸ Самость у Юнга определяется как архетипическая позиция целостности, символ полноты и единства: «Начала всей нашей душевной жизни [...] зарождаются в этой точке, и всё высшее и последние цели [...] сходятся на ней». (К.Г. Юнг, *Аналитическая психология: Прошлое и настоящее*, Мартис, Москва 1995, с. 219)

дя ей вслед [Вавиловой с маузером, отправляющейся вслед за курсантами на войну] произнес: — *Вот такие люди были когда-то в Бунде. Это настоящие люди, Бэйла. А мы разве люди? Мы навоз*» (с. 23), Люди в Бунде (*были когда-то*) — как люди типа Вавиловой, не отличающиеся от них, *настоящие люди*.

3. Выведенные при анализе разбираемого текста параметры (имя, речь, положение, особенности поведения, дети, жилье, вне дома, отношение к окружению и возможные также, но не в этом рассказе, другие) представляют собой проявляемые векторы охарактеризованной общей темы (*Integrum*), реализуемые далее в семантических признаках, представляемых по уровням. Признаки эти становятся дифференцирующими и вместе с тем знаковыми классификаторами в себя все это вбирающей общей *темы*. Из чего будет следовать возможность ее моделирующего отображения в виде матрицы, с одной стороны, виртуальной (концептуальной в своем основании), и в виде, также моделируемых, но горизонтально организуемых, конструкций, с другой, отмечающих важное для представления о *еврейском* то или иное значение. *Proles: MultQuant > ContinPersecut > AmplMiser < DestinAffil* — ‘семь детей, и все живы, несчастье и горе и при этом любовь и забота о них’ для одного только примера. Что следует воспринимать как коммуникативно направленное, сообщаемое и, вместе с тем, отмечаемое знание (для еврейской среды): ‘мультипликативный квантитатив (большого количества) континуальной персекутивности (не убываемого продолжения) в отношении *Proles* (детей) есть дополнительным средством ампликативного мизератива (возрастающей бедности), при сопровождающей дестинитивной аффилиативности (непреодолимой любви и привязанности к ним)’. Аналогичным образом выводились бы и другие, концептуальные в основе своей, семантические высказывания. С тем чтобы сделать возможной подобную формализацию составляющих общую тему значений, были использованы и введены латинизированные обозначения параметров и их составляющих признаков.

4. В основе всей выводимой концептуальной системы можно видеть действие сквозных, повторяющихся, встречаемых в разных проекциях оснований — категориальных значений. Таких, как наблюдаемые в разных признаках и параметрах мизеративность, ампликативность, аффилиативность, персекутивность, сигнификативность, итеративность, узитативность, конциентность, акутативность, дезакцептивность и др. Взаимодействующим сочетанием этих себя повторяющих

и пронизывающих общее представление категориальных значений можно описывать как отдельные проявляемые признаки, так и составляемые с их помощью концептуальные единицы, с выходом к организующему отображению всей стоящей за этим виртуальной системы, каковой является отраженное Гроссманом знание того, что *еврейское*, в его специфичности, отношении к другому, как *тема*, распадающаяся на свои ее составляющие аспекты и проявления.

References

- Abdullayeva, Svetlana N. "Vremya v romane V.S. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba.'" *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*, no. 2, 2012: 70–74 [Абдуллаева, Светлана Н. "Время в романе В.С. Гроссмана 'Жизнь и судьба'." *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*, no. 2, 2012: 70–74].
- Abdullayeva, Svetlana N. "Kontseptsiya svobody v romane-epopoye V. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba.'" *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, t. 31, vyp. 4, 2016: 92–94 [Абдуллаева, Светлана Н. "Концепция свободы в романе-эпопее В. Гроссмана 'Жизнь и судьба'." *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки*, т. 31, вып. 4, 2016: 92–94].
- Afinogenov, Artom. "Pravoye delo Vasiliya Grossmana." *Voprosy literatury*, no. 3, 1994: 220–233 [Афиногенов, Артём, "Правое дело Василия Гроссмана." *Вопросы литературы*, no. 3, 1994: 220–233].
- Anninskiy, Lev A. "Mirozdan'ye Vasiliya Grossmana." *Druzhba narodov*, no. 10, 1988: 253–263. In: V. Grossman. *Zhizn' i sud'ba*. Moskva: Eksmo, 2011: 7–26 [Аннинский, Лев А. "Мирозданье Василия Гроссмана." *Дружба народов*, no. 10, 1988: 253–263. В: В. Гроссман. *Жизнь и судьба*. Москва: Эксмо, 2011: 7–26].
- Bëll', Genrikh. "Sposonost' skorbet': o romane V. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba.'" *Novoye vremya*, no. 24, 1988: 36–39 [Бёлль, Генрих. *Способность скорбеть: о романе В. Гроссмана 'Жизнь и судьба'*". *Новое время*, no. 24, 1988: 36–39].
- Bit-Yunan, Yuriy G., Fel'dman, David M. "Stalinskiye premii Vasiliya Grossmana: istoriya s bibliografiyey." *Voprosy literatury*, no. 4, 2013: 186–224 [Бит-Юнан, Юрий Г., Фельдман, Давид М. "Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией." *Вопросы литературы*, no. 4, 2013: 186–224].
- Bit-Yunan, Yuriy G., Fel'dman, David M. *Vasilij Grossman v verzjale literaturnykh intrig*. Moskva: Forum, Neolit, 2015 [Бит-Юнан, Юрий Г., Фельдман, Давид М., *Василий Гроссман в зеркале литературных интриг*. Москва: Форум, Неолит, 2015].
- Bit-Yunan, Yuriy G., Fel'dman, David M. *Vasilij Grossman: literaturnaya biografiya v istoriko-politicheskom kontekste*. Moskva: Forum, Neolit, 2016 [Бит-Юнан, Юрий Г., Фельдман, Давид М. *Василий Гроссман: литературная биография в историко-политическом контексте*. Москва: Форум, Неолит, 2016].
- Bocharov, Anatolij G. *Vasilij Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1990 [Бочаров, Анатолий Г. *Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба*. Москва: Советский писатель, 1990].
- Druzhnikov, Yuriy I. "Uroki Vasiliya Grossmana." <flibusta.club/b/14101/read> [Дружников, Юрий И. "Уроки Василия Гроссмана." <flibusta.club/b/14101/read>].

- Elina, Nina. "Vasilij Grossman i evreystvo." <<https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Elina1.htm>> [14.04.2022] [Елина, Нина, *Василий Гроссман и еврейство*." <<https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Elina1.htm>>].
- Ellis, Frank. "Soviet Russia through the Lens of Classical Antiquity: An Analysis of Greko-Roman Allusions and Thought in the Oeuvre of Vasili Grossman." In: P.I. Barta, D.H.J. Lamour, P.A. Miller (eds.). *Russian Literature and the Classics*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers GmbH, 1996, 1–st ed., eBook Published, 7 January 2014.
- Genzeleva, Rita N. *Puti evreyskogo samosoznaniya (Vasilij Grossman, Izrail' Metter, Boris Yampol'skiy, Ruf' Zernova)*. Moskva–Iyerusalim: Mosty kul'tury, 1999 [Гензелева, Рита Н. *Пути еврейского самосознания (Василий Гроссман, Израиль Меттер, Борис Ямпольский, Руфь Зернова)*. Москва–Иерусалим: Мосты культуры, 1999].
- Grossman, Vasilij S. *Na evreyskiye temy. Izbrannoye v dvukh tomakh*; Markish, Shimon. *Primer Vasiliya Grossmana*. Israel: Biblioteka–Aliya, 1985 [Гроссман, Василий С. *На еврейские темы. Избранное в двух томах*; Маркиш, Шимон. *Пример Василия Гроссмана*. Israel: Библиотека–Алия, 1985].
- Ivanov, Vyacheslav Vs. "Kategoriya lishitel'nosti v yazykakh evraziyskogo yazykovogo soyuza." In: T.N. Moloshnaya (ed.). *Tipologicheskiye i sopostavitel'nyye metody v slavyanskom yazykoznanii*. Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1993: 80–81 [Иванов, Вячеслав Вс. "Категория лишительности в языках евразийского языкового союза." В: Т.Н. Молошная (ред.) *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993: 80–81].
- Ivanov, Vyacheslav Vs. "Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti)." In: V. Ivanov, T.N. Moloshnaya (eds.). *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategoriy v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Moskva: Indrik, 1995: 5–9 [Иванов, Вячеслав Вс. "Типология лишительности (каритивности)." В: В. Иванов, Т.Н. Молошная (ред.) *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*. Москва: Индик, 1995: 5–9].
- Kardash, Anatoliy A. (Ab Mishe) Marran. "100 let V. Grossmanu." <<http://abmishe.com/stat/stat6.html>> [Кардаш, Анатолий А. (Аб Мише) Марран, "100 лет В Гроссману." <<http://abmishe.com/stat/stat6.html>>].
- Kasavin, Ilya T. "Shtriki k obrazu. Individual'naya kul'turnaya laboratoriya Vasiliya Grossmana." *Voprosy filosofii*, no. 7, 2000: 13–36 [Касавин, Илья Т. "Штрихи к образу. Индивидуальная культурная лаборатория Василия Гроссмана." *Вопросы философии*, no. 7, 2000: 13–36].
- Kasavin, Ilya T. "Svidaniye s mnogoobraziyem: Filosofskiyе idey v romane V. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba'." *Zvezda*, no. 9, 1990: 166–174 [Касавин, Илья Т. "Свидание с многообразием: Философские идеи в романе В. Гроссмана 'Жизнь и судьба'." *Звезда*, no. 9, 1990: 166–174].
- Kling, Darya O. *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoy kritiki*. Moskva: Dom Mariny Tsvetaeyevoy, 2012 [Клинг, Дарья О. *Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики*. Москва: Дом Марины Цветаевой, 2012].
- Korotkova-Grossman, Ekaterina V. "Zhizn' i sud'ba knig Vasiliya Grossmana." In: V.S. Grossman. *Zhizn' i sud'ba*. Moskva: Knizhnaya palata, 1988: 5–13 [Короткова-Гроссман, Екатерина В. "Жизнь и судьба книг Василия Гроссмана." In: В.С. Гроссман. *Жизнь и судьба*, Москва: Книжная палата, 1988: 5–13].
- Lanin, Boris A. "Filosofskiyе idey Vasiliya Grossmana." *Acta Slavica Iaponica*, t. 36, 2015: 25–38 [Ланин, Борис А. "Философские идеи Василия Гроссмана." *Acta Slavica Iaponica*, t. 36, 2015: 25–38].
- Lanin, Boris A. *Idey 'otkrytogo obshchestva' v tvorchestve Vasiliya Grossmana*. Moskva: Magistr, 1997 [Ланин, Борис А., *Идеи 'открытого общества' в творчестве Василия Гроссмана*. Москва: Магистр, 1997].

- Lanin, Boris A. "Tsennosti zhizni — neotvratimost' sud'by: smysly fil'ma 'Zhizn' i sud'ba.'" *Tsennosti i smysly*, no. 1 (41), 2016: 128–142 [Ланин, Борис А. "Ценности жизни — неотвратимость судьбы: смыслы фильма 'Жизнь и судьба.'" *Ценности и смыслы*, no. 1 (41), 2016: 128–142].
- Lipkin, Semën I. "'Zhizn' i sud'ba' Vasiliya Grossmana." *Literaturnoye obzreniye*, no. 6, 1988: 96–108; no. 7, 1988: 98–109 [Липкин, Семён И. "Жизнь и судьба Василия Гроссмана." *Литературное обозрение*, no. 6, 1988: 96–108; no. 7, 1988: 98–109].
- Lipkin, Semën I. *Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana*; Berzer, Anna S. *Proshchaniye [o Vasiliy Grossmane]*. Moskva: Kniga, 1990 [Липкин, Семён И. *Жизнь и судьба Василия Гроссмана*; Берзер, Анна С. *Прощание [о Василии Гроссмани]*. Москва: Книга, 1990].
- Lipovetskiy, Mark N. "Edinoborstvo." *Ural*, no. 3, 1989: 161–171 [Липовецкий, Марк Н. "Единоборство." *Урал*, no. 3, 1989: 161–171].
- Markish, Shimon. "Tragediya ili triumf Vasiliya Grossmana, ili ob universal'nosti rabstva i svobody v dvadtsatom veke." *Iyerusalimskiy zhurnal*, no. 18, 2004: 244–251 [Маркиш, Шимон. "Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или об универсальности рабства и свободы в двадцатом веке." *Иерусалимский журнал*, no. 18, 2004: 244–251].
- Markish, Shimon. "Vasiliy Grossman — evreyskiy pisatel'?" *Iyerusalimskiy zhurnal*, 2004: 241–243 [Маркиш, Шимон. "Василий Гроссман — еврейский писатель?" *Иерусалимский журнал*, 2004: 241–243].
- Pshebinda, Gzhegozh. "Vasiliy Grossman — Sokrat iz Berdicheva." *Novaya Pol'sha*, no. 5 (130), 2011: 35–41 [Пшебинда, Гжегож. "Василий Гроссман — Сократ из Бердичева." *Новая Польша*, no. 5 (130), 2011: 35–41].
- Sarnov, Benedikt N. "Zhestokovuyunu." *Lekhaim*, no. 4 (168), april' 2006, nisan 5766, <www.lechaim.ru/ARHIV/168/sarnov.html> [Сарнов, Бенедикт М., "Жестоковыйный." *Лехаим*, no. 4 (168), апрель 2006, нисан 5766, <www.lechaim.ru/ARHIV/168/sarnov.html>].
- Tolstaya, Svetlana M. "Semanticheskaya model' karitivnosti." In: Eadem. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchslavyanskoj perspektive*. Moskva: Indrik, 2008: 50–98 [Толстая, Светлана М. *Семантическая модель каритивности*. В: Еадем. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик, 2008: 50–98].
- Tsaruski, Yürgen. "Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana: k vozniknoveniyu i kontseptsii romana veka." *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoj istorii i kul'tury — Russkoye izdaniye*, no. 1, 2011: 191–215 [Царуски, Юрген. "Жизнь и судьба Василия Гроссмана: к возникновению и концепции романа века." *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание*, no. 1, 2011: 191–215].
- Voynovich, Vladimir N. "Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana i yego romana." *Posev*, no. 11, 1984: 53–55 [Войнович, Владимир Н. "Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа." *Посев*, no. 11, 1984: 53–55].
- Yampol'skiy, Boris S. "Poslednyaya vstrecha s Vasiliyem Grossmanom (Vместo poslesloviya)." *Kontinent*, no. 8, 1976: 133–255 [Ямпольский, Борис С. "Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)." *Континент*, no. 8, 1976: 133–255].
- Yung, Karl G. *Analiticheskaya psikhologiya: Proshloye i nastoyashcheye*. Moskva: Martis, 1995 [Юнг, Карл Г. *Аналитическая психология: Прошлое и настоящее*. Москва: Мартис, 1995].
- Zaks, Boris G. "Nemnogo o Grossmane." *Kontinent*, no. 2 (152) 2012, t. 2, 1978–1982: s. 454–461 [Закс, Борис Г. "Немного о Гроссмани." *Континент*, 2012, no. 2 (152), no. 2 (152) 2012, t. 2, 1978–1982: s. 454–461].